

Завещания – важный источник для изучения социального развития белорусских земель в XVI–XVIII вв.

Н. Н. Рытова

В данной статье анализируются завещания жителей белорусских земель, восходящие к XVI–XVIII векам, в качестве источника по изучению социального развития Беларуси. Они позволяют изучить такие социальные институты, как семья и церковь, установить конфессиональную принадлежность жителей того времени, выяснить их социальный статус и выполняемые социальные роли.

Ключевые слова: социальное развитие белорусских земель в XVI–XVIII века; завещания XVI–XVIII веков, социальный статус и социальные роли жителей белорусских земель, завещания – источник для изучения семьи и церкви, конфессиональная ситуация в Беларуси в XVI–XVIII века.

Wills are an important source for studying social development of the Belarusian lands in the 16th – 18th centuries

N. N. Rytova

This article analyzes the wills of the inhabitants of the Belarusian lands dating back to the 16th – 18th centuries as a source for the study of social development. They allow to study such social institutions as a family and the church to establish the confessional affiliation of the inhabitants of that time to find their social status and the social roles they performed.

Keywords: social development of the Belarusian lands in the of the 16th – 18th centuries, wills 16th – 18th centuries, social status and social roles of the inhabitants of the Belarusian lands, wills are an important source for study of family and church, confessional situation in Belarus in the 16th – 18th centuries.

Начиная с XVI в. согласно нормам действующего законодательства (Статуты 1529, 1566 и 1588 годов) [9, с. 66–68; 10, с. 158–161; 11, с. 247–250] жители белорусских земель, оказавшись на смертном одре, составляют завещания, где распоряжаются своим имуществом, а также дают наставление своим близким и родственникам. В архивах сохранилось достаточно много таких «тестаментов», что позволяет их рассматривать в качестве одного из важнейших источников по истории Великого княжества Литовского в целом и его социального развития в частности.

Прежде всего завещания помогают охарактеризовать социальную структуру общества, поскольку при составлении данного документа обязательно указывалось, кем именно являлся его автор, какое место в обществе занимал:

«Ja, Waclaw Hrehorowich Dzierżynski, ziemianin Krola jego młosci wojewodstwa Wietebkiego...»¹; «Я, рабъ Божый, Исаия Павлович Гуца, законник монастыря Брацкога Полоцкога...»; «Я Пелаге Тышевичовъна Овсеева Ломская, подкомориная Смоленская <...> упоминаю, абы <...> сын мой милый, панъ Миколай Ломский, скарбник его кор(олевской) м(и)л(о)сти повету Оршанского, доросшы летъ своихъ, до сего часу мене прри себе ховал и добре опатренъе <...> давалъ...» [4, с. 240, 290, 397]. Как видно из приведенных выше отрывков, в первом случае завещание составлял землянин (так в то время на территории Великого княжества Литовского называли людей, который несли военную службу за что получали право пожизненно пользоваться землей); во втором – в качестве завещателя выступает человек, облаченный в духовный сан; в третьем – завещание составлено представительницей шляхты, которая на момент оформления документа дважды являлась вдовой и проживала в доме одного из своих сыновей. Зачастую в завещаниях также содержится информация о вероисповедании завещателя. Например, Антоний Селява так пишет в своем завещании: «... объявляю, что умираю и схожу съ сего света въ истинной вере католической...» [3, с. 256], что свидетельствует о том, что он исповедовал католичество, а вот могилевская же мещанка Анна Андреева исповедовала православие, свидетельством чего является текст составленного ею завещания: «...брат тело ее грешное поховати мает и поминки отправит водлуг звычайю християнского...» [8, л. 455 обр. – 456 обр.].

Кроме того, завещания позволяют охарактеризовать один из важнейших социальных институтов – семью. В частности, помогают изучить ее состав, поскольку документ составлялся, прежде всего, в пользу своих близких родственников (детей, сестер, братьев и т. д.). Например, могилевский мещанин Балцер Богданович составил завещание в пользу своей супруги и двух детей: «*Я, Балцер Богданович Романовича Старосельский <...> малъжоньку мою <...> и сына моего Самуелиа, такъ же дочку мою Гасю злецаю в опеку <...> А иж заставае-се пры малъжонце моей, дочка моіа лет недорослаіа Ганнуса, таіа мает при ней, малжонце моей, а матъце своей мешкати и всіакое захованъе пристойное мети. А притрафитьли се той дочце моей <...> в стан светлы малженъский пойти, тогда малжонка моіа <...> мает ей таковую выправу дати, іакую дал иншымъ дочкамъ моимъ...» [4, С. 66–69]; а Ждан Мишкович изъявил свою последнюю волю, отписав свое имущество в пользу любимой жены и приемного сына по имени Яцко [1, с. 83–84]; могилевский же мещанин Афанасий Яковлевич составил завещание в пользу своих родных детей: «*найпервей, признавши за дедичовъсыновъ свлтх Артема, Андрея, Васка а Исая Офанасовичов, усты своими властынми визнавши, иждомъ свой властный <....> зо всим будова-немъ и пляцомъ тот дом вышь мененый тымъ сыномъ своимъ отписал и отдалъ, нижли большый сфн поты мает братю свою дети, позосталые по отцу своемъ, ховат и выживенье имъ дати, поки збожа отцовског(о) ставать ма-еть, кды вжо збожа не станет, тогды кождый себе о жывность старатисе**

¹ Пер. с польск.: «Я, Вацлав Грегорьевич Держинский, землянин Короля его милости воеводства Виттебского...».

маестъ; ку тому дочце своей Масюте овчын пят выробленых на кожух отписал и отдалъ, а дочце своей меншой Овдоти корову отписал и отдал, и ку тому поменил, ижъ винен певного долгу <...> ты гр(о)шы сыну своему сстаршому Артему отлетил, иж бы отдал...» [2, с. 460–461]. Таким образом, завещания помогают выяснить количество детей в семье на момент смерти завещателя, установить, достигли ли они совершеннолетнего возраста или нет. Кроме того, данный вид источников помогает установить, проживали ли в семье помимо супружеской пары и ее детей другие родственники. Например, полоцкая мешчанка Авдотья Гавриловна Семенова Таборовая, составляя завещания, наказала своей дочери Марфе содержать и заниматься воспитанием своих родных племянников, внуков Авдотьи: «Марфа Таборовна Захариная, дочка ее, мает пры себе до взросту лет ховат и кармит трох сирот, то ест внучот ее, першого Стефана Даниловича Табора, братанца своего, которого отец ач еще ест жив, але его не ест пилным и не догледает, до того двухъ сестренцов своих, то ест дети сестры свое Моси Таборовны Юрковое Прудниковое, которая вжо зъ сего света смертью зошла; сына Матфея и дочку Тасеню в летех недорослых будучых, которым даючы яко наилетшое цвиченье, нимбы, сами о себе могли статне мет и людем служыт, потуль их пры себе мает ховат, яко и по сес час ховала...» [7, л. 9–10]. Как видим, в семье Марфы проживали и ее родные племянники, о которых она заботилась. А вот вдова смоленского подкоморника Овсея Тышкевича до своей смерти проживала в доме своего сына: «панъ Миколай Ломский скарбник его королевское милости повету Оршанского, доросшы летъ своихъ, до часу мене при себе ховал и добре опатренье, зъ милости сыновьское, противко мене, родителце своей, давал...» [4, с. 397–399].

Зачастую завещания также определяют целый круг обязанностей, которые завещатель возлагает на своих родственников: организовать определенным образом похороны завещателя [8, л. 455 обр. – 456 обр.], осуществлять опеку над несовершеннолетними родственниками усопшего, содержать и воспитывать их [2, с. 460–461], заботиться о вдове усопшего и не ущемлять ее права [6, с. 139].

Данный вид источников позволяет изучить институт семьи и установить социальные роли, выполняемые людьми различных сословий, но и проливает свет на структуру и деятельность еще одного важного социального института – церкви. Например, в завещании митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Антония Селявы, составленного в мае 1651 г., не только приводится целый ряд католических церквей и монастырей, принадлежащих различным монашеским орденам (Иезуитов, Бернардинцев, Доманиканцев, Кармелитов, Францисканцев и Бонифратриев), которые осуществляли свою деятельность на белорусских землях: «отцамъ бернардынамъ, въ Вильне, за сорокъ заупокойныхъ обедень и за колокольный звонъ въ теченіи недели, злотыхъ сто; бернардынамъ Минскимъ, пятьдесятъ; доминиканамъ виленским, при святодуховскомъ костеле... злотыхъ сто; минскимъ же – злотыхъ пятьдесятъ; отцамъ францисканамъ виленскимъ, при костеле Пресвятой Девы Маріи <...> злотыхъ сто; отцамъ Іезуитамъ, при костеле святого Казиміра <...> злотыхъ сто; отцамъ кармелитамъ босымъ, у Острой брамы <...> злотыхъ сто; отцамъ кармелитамъ

(*Miliganat*), при костеле Святого Георгія <...> по злотыхъ сто каждым; отцамъ Базилианамъ, находящимся при Свято-троицкой церкви <...> злотыхъ полтора ста; монахинямъ Базилианамъ, при той же церкви находящимся <...> злотыхъ сто; монахинямъ ордена Святого Франциска, въ Вильне, при костеле св. Михаила находящимся, злотыхъ сто; въ монастырь Слонимскій женскій ордена святого Франциска <...> злотыхъ четыреста...» [3, с. 260, 266 – 267]. Кроме того, сведения, содержащиеся в данных документах, также проливают свет на одну из важнейших функций, которую взяли на себя представители духовенства: содержание людей, которые оказались без дома и средств к существованию, единственным источником существования которых являлось попрошайничество. В частности, в Вильно действовало пять таких учреждений: «въ богадельни: въ Вильне, отцовъ Бонифратеровъ, злотыхъ сорок; въ богадельню святого Никодима, за Острою Брамою, злотыхъ тридцать; въ богадельню при Свято-троицкой церкви, злотыхъ тридцать; на богадельню Пречистенскую Спаскую, злотыхъ тридцать; на богадельню при Петровской церкви в Вильне, злотыхъ пятнадцать...» [3, с. 268–267].

Таким образом, содержащиеся в «тестаментх» сведения помогают, во-первых, выяснить численный и качественный состав семьи, определить ее структуру, во-вторых, выяснить вероисповедание завещателя, в-третьих, установить функции, которые возлагались на человека в зависимости от его социального статуса в семье. Данный вид источников также проливает свет и на отдельные вопросы, связанные с функционированием и структурой такого социального института, как церковь.

Список использованных источников и литературы

1. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
3. Историко-юридические материалы в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 2: [Приходо-расходные книги г. Могилева за 1683?1684 гг.; Акты, извлеченные из книг Витебскаго земскаго суда за 1628?1731 гг.], 1871. – 376, [6] с.
4. Историко-юридические материалы в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 24: [Извлечение из приходо-расходной книги г. Могилева за 1713 г.; Акты, извлеченные из книг Витебскаго гродскаго суда за 1717 г.; из книг Витебскаго земскаго суда за 1634?1635 гг.; из книг Полоцкаго земскаго суда за 1668?1669 гг.; из книг Оршанскаго земскаго суда за 1642?1647 гг.; из книг Мстиславльскаго гродскаго и земскаго суда за 1663?1664 гг.], 1893. — IV, 516, [2], XXXVI с.
5. Историко-юридические материалы в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 31: [Люстрации староств княжества Инфлянтскаго 1692?1765 гг.; Акты Витебскаго земскаго суда 1592?1601 гг.], 1903. — VIII, 449, 94, XXVI с.

6. Историко-юридические материалы в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 30: [Акты, извлеченные исключительно из книг бывших присутственных мест Могилевской губернии за 1592?1796 гг.], 1903. – XI, 360, 164, XXXIV с.
7. НГАБ – Фонд. 1823. – Оп. 1. – Д. 1.
8. НИАБ – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 14: Актовая книга могилевского магистрата: 2 января 1643 г. – 30 декабря 1643 г. – 1212 л.
9. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К. И. Яблонкиса. – Минск : Академия наук БССР, 1960. – 253 с.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 315 с.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі/рэдкал.: І.П.Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. сав. энцыкл. імя П.Броўкі, 1989. – 573 с.

Сведения об авторе

Наталья Николаевна Рытова, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гуманитарные науки» МОУ ВО «Белорусско-Российский университет» (Республика Беларусь, г. Могилев), annatasha@list.ru